

ный двор-колодец.

Мимо него по лестнице спускается незнакомая женщина. Постепенно шаги ее стихают. Открывается и закрывается дверь парадной.

Смоляков снова устраивается на подоконнике, вздыхает, смотрит на часы. И тут он слышит, как поворачивается ключ в замке одной из дверей нижней площадки.

— Ну, все, я победила, — доносится до слуха Андрея голос Марии.

Смоляков, затаив дыхание, соскальзывает с подоконника, отступает в тень.

— И когда? — слышит он мужской голос.

— Я позвоню.

Наступает пауза. Андрей осторожно выглядывает из своего светового укрытия и видит жену, застывшую в долгом прощальном поцелуе. Соперника Смоляков опять не видит — его укрывает угол стены и только все та же рука медленно опускается по спине Марии, от плеча к талии.

Андрей снова отступает в тень, подняв глаза к потолку, беззвучно шевелит губами, ругая на чем свет стоит идиотскую, нелепую ситуацию, в которую он попал отчасти по собственной воле.

— Ну, все... Позвоню. Пока.

По лестнице, удаляясь, стучат каблук. Закрывается дверь на площадке, поворачивается ключ в замке, скрипнув, громыхает входная дверь парадной — и снова тишина.

Смоляков медленно, ступенька за ступенькой, начинает спускаться вниз.

Он стоит перед старой, обшарпанной дверью, обитой черным дерматином. На позеленевшей от времени табличке гравировка: Бауэр А.А.

Недолго думая, Смоляков жмет на пуговку звонка.

Через мгновение дверь открывается и перед

на, лет тридцати. — Я... — он замечает Смолякова. — Ох, у вас гости.

— Это ничего, Игорь, ничего. Я, разумеется, прочел. Однако, к сожалению, через два часа я ухожу. У меня дежурство. А разговор, как вы понимаете, не на пять минут. Если вас устроит... Послезавтра часика эдак в три?

— Конечно, — соглашается сутулый Игорь. — Послезавтра. В три.

— Договорились. Всего доброго.

— До свидания, — кивнув Смолякову, сутулый выкачивается из квартиры.

Бауэр закрывает за ним, говорит, слегка понизив голос.

— Представьте себе — драматург!

— Этот? — Смоляков указывает на дверь.

— По плодовитости, вероятно, превзошел самого Лопе де Вега! У того, говорят, было что-то около полутора тысяч пьес. У него, думаю, уже больше. И почему-то в качестве первого рецензента он избрал именно меня. Одну секунду.

«Стук-стук-стук» — Бауэр идет назад в комнату и почти тут же возвращается, захватив с собой два листа бумаги, скотчатых канцелярской скрепкой.

— Вот список, — говорит на ходу Бауэр. — Кое-что можно подобрать в библиотеке, кое-что в спецхране ГИДУВа. То, что касается офтальмологии, я пометил красным фломастером.

Пока он рассказывает все это, Андрей продолжает пристально разглядывать его.

— Что? — перехватив его взгляд, замолкает Бауэр. — Что вы на меня так смотрите?

Смоляков молчит. Возникает неловкая пауза.

— Послушайте, — наконец понимает Бауэр. — Вы ведь не от Вячеслава Кириллыча?

Андрей отрицательно качает головой.

И тут из второй комнаты, дверь в которую до сих пор была плотно закрыта, появляется се-

— А где же их еще обсуждать-то? — сам себе говорит Андрей.

Он спускает ноги на пол, роется в ворохе своей одежды.

— Маша-Маша! Радость наша! Ладно... По-едем на разборку.

«БМВ» резво бежит по загородному шоссе, легко обгоняя попадающиеся на пути «Москвичи» и «Жигуленки».

В салоне работает приемник, снова — новости. И опять, как и всегда, Смоляков переключает программу. Из динамиков льются тягучие звуки блюза.

— Куда мы едем? — спрашивает молчаливый до сих пор Бауэр.

— Есть тут одно место. Там нам никто не помешает.

«БМВ» продолжает свой бег по шоссе.

Спустя совсем немного времени, машина Смолякова выбирается на пологий берег небольшого лесного озера.

Бауэр первым вылезает из «БМВ». Потоптавшись на месте, идет к водоему. Он устраивается на стволе поваленного дерева у самой воды, смотрит на подернутую легким туманом зеркальную озерную гладь, в которой отражаются сосны и ели, растущие на противоположном берегу.

Андрей вытаскивает из бардачка бутылку водки, стакан, кладет все это в один карман плаща, потом, залпав машину, вынимает из кобуры пистолет и, сунув его в другой карман, направляется к сидящему у воды Бауэру.

— Ну? Как местечко? — интересуется Смоляков.

— Удивительно... — будто искаженное эхо вторит Бауэр. — Насколько, однако, природа мудрее человеческого разума. Всего два шага — и вот она, гармония, к которой стремишься всю жизнь. Удачи, поражения, победы на этом фоне теряют смысл. Все кажется простым и ясным. Но стоит вернуться обратно, и разум все расставит по местам. Ну-тес? Я вас слушаю?

— Да ты, я смотрю, говорун! — оглядывается по сторонам Андрей. — Стишки, случаем, не пишешь?

— Писал когда-то, разумеется.

— Может, считаешь что-нибудь?

— Да ну!

— Почитай, я послушаю. Куда торопиться-то?

— Ну, хорошо. Извольте.

Все мы, все мы в этом мире тленны.

Тихо льется с кленов листьев медь.

Будь же ты вовек благословенно,

— Что пришло процветать и умереть.

— А сейчас не пишешь? — спрашивает Смоляков.

— Что — стихи? Я? Нет. Естественно, не пишу.

— Правильно! — присаживается рядом с Бауэром Андрей. — Говенные, если честно, у тебя стишки. Я вот ни хрена не понял!

— Это... Это не мои.

— Да? А чьи?

— Я думал, вы знаете, — как бы извиняясь, говорит Бауэр. — «Не жалею, не зову, не плачу, все пройдет, как с белых яблонь дым». А то — последнее четверостишие. Это Есенин.

— Уел! — зло смеется Смоляков. — Но ты прав, в стихах я не мастак! А чего ты не спрашиваешь, зачем я тебя сюда привез?

— Ну... Вероятнее всего...

— Вообще-то, я тебя сюда убивать привез, — прерывает невнятное бормотание Бауэра Андрей. Он извлекает из кармана пистолет, смотрит на отливающую холодным светом вороненую сталь.

— Вы... Вы это серьезно?

— А чего ты думаешь, я с тобой буду шуточки шутить?

Бауэр отворачивается, разглядывает озерную гладь.

— Вы предполагаете, это что-нибудь решит? — спрашивает он, помолчав.

— Не понял?

— Видите ли... Мне кажется, если Маша узнает, что вы...

— А кто тебе сказал, что я собираюсь об этом кому-то рассказывать? — опять перебивает его Смоляков. — Грохну и закопаю тебя где-нибудь здесь. Нет человека — нет проблемы!

— Извините, Андрей. Однако я не уверен, что подобным способом вам удастся ее вернуть, — говорит Бауэр.

— А вот это уже не твоё собачье дело! — играя желваками на скулах цедит сквозь зубы Смоляков. Он встает, прячет в карман пистолет, извлекает из другого кармана бутылку водки и стакан.

— Давай-ка, выпей для храбрости. — Андрей зубами открывает бутылку, наполняет стакан до краев. — Или, может, ты еще и не пьешь?

— Отчего же? — пожимает плечами Бауэр.

— Тогда держи! — Смоляков передает ему стакан.

— А вы?

— Я за рулем. Мне еще возвращаться.

— Ах, да! Что ж... В таком случае — будьте здоровы! — Бауэр судорожными глотками опорожняет стакан, поперхнувшись, возвращает его Андрею. — Спасибо.

Смоляков накрывает стаканом бутылку водки, ставит все это на землю, достает пистолет, снимает его с предохранителя.

— А ну, вставай!

Бауэр, поживившись, медленно поднимается на ноги и вдруг зычно икает.

— Ой! — морщится он. — Извините, я... — и он снова икает. — Я с ночного дежурства. Ничего не ел — икота одолевает его. — Тыфу ты, леший!

У вас не будет водички?

— Хлебки из озера, — советует слегка утративший решительный настрой Смоляков.

— Что вы! Нет. Болотная вода, — Бауэр икает.

— Микробы.

— Тебе-то не все равно?

— Послушайте, что вы мне все время «тыкаете»? — икота. — Нет человека — нет проблемы! Философия одноклеточных! — икота. — Вот как раз после убийства и начинаются самые большие проблемы! Надеюсь, хоть Достоевского-то вы читали? — икота.

— Ты заткнешься когда-нибудь?

— Во-первых, не «ты», а «вы»! А во-вторых, я не могу из озера — икота. — Меня просто вытошнило — икота. — Нет воды, так дайте хотя бы водки. Может, придет.

Беззвучно выругавшись, Андрей наливает еще стакан.

— На! — протягивает он водку Бауэру.

— Благодарю, — отдышавшись, Бауэр пьет мелкими глотками. — Фу! Кажется, прошло, — он бросает стакан на землю. Его слегка пошатывает. — Ну-тес? Прошу! Я готов.

Смоляков, собравшись с силами, начинает поднимать пистолет, но как только Бауэр попадает на мушку, он опять икает еще сильнее прежнего.

— Тыфу ты, блин! И подохнуть не может по-человечески.

Бауэр икает.

— Нет, ну я так не могу! — с раздражением восклицает Андрей. Всплеснув руками, отходит в сторону.

И я... — Бауэр опускается на четвереньки, потом заваливается на бок.

— Эй! — подходит к нему Смоляков. — Ты что? — он присаживается на корточки, трогает Бауэра за плечо.

— Извините, — бормочет тот, закрывая глаза.

— Я устал. Я... Мне надо поспать.

— Эй-эй! — тормошит его Андрей.

— Потом, потом. Извините. Я немножечко... — Бауэр, свернувшись в клубок, подкладывает под щеку ладонь. — Сейчас. Чуть-чуть!

— У-у! Перепоил, — заключает Смоляков, бессмысленно оглядываясь по сторонам.

— Нет, просто я подумала, что он задержался на работе, — говорит Мария в телефонную трубку. — Я знаю, что ночное дежурство. Но я подумала... Хорошо, ладно, извините. До свидания, — она кладет трубку на аппарат, смотрит на старинные часы на стене.

На часах — без пяти минут шесть.

Мария поворачивается к окну, вглядываясь в опускающиеся на город сумерки. И в это время в прихожей раздается звонок.

Мария бежит открывать.

Она распахивает дверь. На пороге квартиры стоит ее муж, Андрей Смоляков, а через его плечо, словно мешок с картошкой, перекинута безжизненное тело Бауэра. Не говоря ни слова, Андрей проходит в квартиру, идет по коридору в комнату.

— Что ты с ним сделал? — спешит следом за ним Мария.

Смоляков входит в комнату, с облегчением сваливает Бауэра с плеча на кровать.

— Что ты с ним сделал, гад?! — Мария хватает Андрея за руки, пробует развернуть к себе лицом.

— Убери грабли! — стряхивает ее с себя Андрей. — И закрой пасть, понятно?!

— Если ты с ним что-нибудь сделал... — у Марии дрожат губы.

— Заткнись, я тебе сказал! — тяжело дышит Смоляков.

— Не смейте! — подает голос Бауэр, лежащий поперек кровати лицом вниз. — Нельзя! Нельзя так разговаривать с женщиной!

— Лежи, алкаш!

— Петя! Петя, что он тебе сделал? — склоняется над ним Мария.

— Нахрался твой Петя! До синих огурцов!

— Оскорблять меня... Имеете полное право, — бормочет Бауэр. Но женщина... Это низко!

— Зачем ты это сделал?

— Я бы с ним еще не то сделал. Да не успел.

— Вы славный человек, Андрей, — не меняя позы, бубнит Бауэр. — Маша! Он — славный! Потому что... Так нельзя! Это же... Это противно самой человеческой природе! Нельзя так.

— Тише, тише, Петя, — успокаивает его Мария.

— Я сплю, — затихает Бауэр.

— Ты свинья, Смоляков, — поворачивается к Андрею Мария.

— Я? — усмеивается тот. — Скажи, а вот это, — он кивает на Бауэра. — Он тебе действительно нужен?

— Нужен, — отвечает Мария, сдерживая слезы.

— Ну, лады. Живите! — Андрей идет из комнаты, останавливается на пороге. — Но Катюшу ты у меня не получишь! Поняла? Дочку я вам не оставлю — заломни!

КРОВИ

(фрагменты сценария)

Андреем возникает небольшого роста, полностью человек лет сорока. Он одет в простую клетчатую рубашку с застегнутым наглухо воротником, синие трикотажные спортивные штаны с отвисшими пузырями на коленях, домашние войлочные тапки. Человек небрит, на мясистом, слегка кривоватом носу его широкой физиономии восседают очки с сильной диоптрией, волосы на лысоватой голове торчат в разные стороны, уже знакомые Смолякову руки взбалтывают столовой ложкой в небольшой алюминиевой кастрюльке какой-то гоголь-моголь. «Стук-стук-стук!» — торопливо бьется ложка о стенки кастрюльки.

— Ух, ты! — окинув человека взглядом, не может сдержать своего удивления Андрей. — Я-то думал, тут тын на алтын! А тут всего-то куриная попка!

— Что, простите? — не понимает человек, продолжая свою работу: «Стук-стук-стук-стук!»

— Бауэр... Это?... — начинает Смоляков.

— Да, это я. Чем обязан?

Но в это время в глубине квартиры звонит телефон.

— Извините, я сейчас. Проходите. Сейчас. — Бауэр идет по коридору к телефону, находящемуся в дальней комнате. «Стук-стук-стук-стук!» — удаляется вместе с ним звук взбивающей что-то ложки.

Смоляков проходит в квартиру, оглядываясь по сторонам так, как если бы он оказался вдруг внутри египетской пирамиды. Все стены большой прихожей до самого потолка закрыты стеллажами, которые забиты книгами. Стопки книг, не поместившихся на полках, лежат прямо на полу, рядом с тапками и уличной обувью.

— Да?! — слышит Смоляков голос Бауэра. — Нет необходимости. На мой взгляд, уважаемая Ирина Павловна, нет никакой необходимости. Отнюдь. Praesentia medico nihil nocet! В присутствии врача ничто не вредно, как говорили древние!

Дверь направо ведет на кухню. Андрей с любопытством заглядывает туда. Здесь царит беспорядок. Из водопроводного крана капает вода в раковину, забитую невымытой посудой. На столе, покрытом дырявой в нескольких местах клеенкой, остаток растерзанного бисквитного торта в картонной коробке, залитая убежавшим кофе джезве, чуть початая бутылка вина, два бокала, две кофейных чашки из разных сервизов.

Сзади раздастся приближающееся энергичное «стук-стук».

В коридоре появляется Бауэр.

— Кажется, сообразил! Вы, вероятно, от Вячеслава Кириллыча? — спрашивает он.

— Точно! — согласно кивает Смоляков.

— Ну-тес, я подобрал ему список, — продолжая орудовать ложкой в кастрюльке, начинает Бауэр, но его прерывает звонок в дверь.

— Прошу извинить! — он гремит ключом.

— Здравствуйте, Петр Арнольдович, — в прихожую входит высокий худой и сутулый мужчи-

довласая аккуратная старуха, одетая в глухое, строгое платье из черного панбархата, отороченное белым кружевным воротничком. Спина у старухи абсолютно прямая, подбородок сухого, морщинистого лица горделиво вздернут вверх.

— Я слышала звонок, — чеканя каждое слово, говорит она, обращаясь к Бауэру. — Это был не Арнольд?

— Нет, мама. Поддержите. — Бауэр сует Смолякову кастрюльку и листы бумаги, берет мать за руку, ведет назад, в комнату. — Я же тебе говорил, Арнольд заходил, когда ты спала.

— И ты меня не разбудил? Как ты мог не разбудить меня?!

— Мама, но он сам запретил мне тебя будить! Он обещал, что зайдет завтра. — Бауэр с матерью скрываются в комнате, и Андрей опять остается в коридоре один.

Он осторожно заглядывает в щель приоткрытой двери.

Старуха сидит в кресле с высокой спинкой. Сын, присев перед ней на корточки, гладит ее по морщинистой с набухшими синими венами руке.

— Мама, дорогая! Моя чудесная, славная мама! Я тебя очень люблю, — еле слышно говорит он.

— Петю-юня! — ласково тянет старуха и тоже гладит сына по голове.

Смоляков отходит от двери, принохивается к содержимому кастрюльки, поморщившись, ставит кастрюльку на стопку книг на полу и, прикрыв ее листками, предназначенными для какого-то Вячеслава Кирилловича, покидает квартиру.

— Дурдом! — в голос произносит Андрей, оказавшись на лестничной площадке. — Это же надо! Петюня! — рассмеявшись, Смоляков торопится вниз по ступеням, продолжая хохотать на ходу.

Нина, запахнув халат, одетый на голое тело, присаживается за туалетный столик, отхлебывает из бокала вино, поправляет сбившиеся на голове волосы, тянется за сигаретой.

— Моя Машка загуляла, — Смоляков лежит на широкой железной кровати, прикрытый простыней. — От меня! Ты поняла, от меня и загуляла! Кому рассказать, это ж анекдот: у Смолякова жена загуляла!

— Ну, мы с тобой тут тоже не в куличики играли, — затягивается сигаретой Нина.

— Но я же мужик, Нин. Это, в конце концов, понятно. И потом, это же — я. А он? Ты бы видела его! Книжки есть такие, про грибы. Раздел — сморчки и строчки! Так вот это о нем! Я бы его мог, как комара. Вернее, комар-то еще, может быть, и улетел бы! А его на одну ладонь положи, другой сверху, — Андрей звонок хлопает в ладоши. — И все!

— Дурацкая манера у мужиков: обсуждать своих жен в постели с другими бабами — Нина гасит сигарету, идет из комнаты.

— Я в ванну.

Экран и сцена